

А.Б. СИНЕЛЬНИКОВ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ В УСЛОВИЯХ РОСТА И УБЫЛИ НАСЕЛЕНИЯ¹

Аннотация. Автор статьи полемизирует с демографом и экономистом А.Г. Вишневским и задает ему несколько вопросов. Вишневский рассматривает население как саморегулирующуюся систему. Эта система сама приводит свой размер (численность жителей) в соответствие с экономической и экологической ситуацией. Вишневский считает неэффективным вмешательство государства в процесс демографической саморегуляции, если речь идет о мерах по повышению рождаемости. По мнению автора этой статьи, саморегуляция может затормозить рост населения («демографический взрыв»). Однако нет никакой саморегуляции для защиты от естественной убыли населения (депопуляции). С точки зрения автора, эта проблема может быть решена лишь с помощью демографической политики.

Ключевые слова: население; рождаемость; смертность; демографическая саморегуляция; демографическая политика.

Для цитирования: Синельников А.Б. Демографическая саморегуляция в условиях роста и убыли населения // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 4. С. 84–92. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6819

Уважаемый Анатолий Григорьевич! Я с интересом прочитал Ваш недавно опубликованный учебник (курс лекций) «Демографическая история и демографическая теория» [1]. В России никто еще не описывал столь подробно всю историю человечества от каменного века до наших дней с точки

Синельников Александр Борисович — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Адрес: 119234, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 33, МГУ, 3-й учебный корпус.

Телефон: +7 (495) 939-50-60. **Электронная почта:** sinelka@mail.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-011-01037 «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976–2020 гг.)».

зрения демографии. В книге приведено немало прежде неизвестных даже для многих демографов-профессионалов статистических данных, включая оценки численности населения, уровня рождаемости, смертности и средней продолжительности жизни за многие века и даже тысячелетия. Учебный курс основан на детальном анализе демографической литературы. Многие из работ, на которые Вы ссылаетесь, написаны на английском и французском языках и мало известны в России. Знакомство со взглядами их авторов расширяет научный кругозор не только студентов, но и профессоров.

Ваша книга, как видно из ее названия, посвящена не только описанию, но и теоретическому объяснению демографических процессов в прошлом и настоящем. Через весь курс лекций проходит идея демографической саморегуляции (или самоорганизации). Вы рассматриваете население как автономную систему, которая сама приводит свой размер в соответствие с экономической и экологической ситуацией. Я согласен с Вами, что эта саморегуляция может затормозить или остановить чрезмерный рост населения, но не считаю, что саморегуляция спасет нашу страну и другие развитые страны, а в будущем — и весь мир, от депопуляции.

О колебаниях численности населения в связи с изменением условий его жизни еще два века тому назад писал Т.Р. Мальтус (1766–1834) [9]. Вы разделяете его мнение о том, что при превышении численности населения над количеством средств существования (продуктов питания и других предметов первой необходимости) в низших слоях общества ослабевает сопротивляемость эпидемическим инфекциям, из-за чего численность населения уменьшается и приходит в соответствие с экономическими условиями. Затем естественный прирост вновь нарушает баланс. Цикл повторяется. Средства существования могут быть увеличены как за счет освоения новых земель, так и благодаря повышению урожайности в сельском хозяйстве и производительности труда в промышленности. Но, по мнению Т.Р. Мальтуса [9], с которым Вы согласны [1, с. 44], это поднимает, но не отменяет «потолок» демографического роста, а его превышение вновь приводит к саморегуляции.

Однако эпидемии происходили и в экономически благоприятных (по понятиям того времени) условиях. Вы пишете: «...скопление людей сопровождалось скоплением животных, особенно домашних, но также и диких, например крыс, что само по себе способствовало возникновению и распространению эпидемических болезней. Можно предположить, что эпидемии были реакцией на отклонение от демографического равновесия, не связанное с достижением потолка экономических ресурсов, но приводившее к нарушению экологического баланса» [1, с. 86]. С этим можно согласиться. Эпидемии возникали в густонаселенных древних и средневековых городах, занимавших очень небольшую территорию. Но причиной высокой плотности городского населения был не естественный прирост, а миграция из деревень.

Еще в XVII в. отец-основатель демографии Джон Граунт установил, что в Лондоне рождаемость ниже смертности, а в селах вокруг Лондона — наоборот [6]. Без притока выходцев из деревень Лондон и многие другие города давно бы вымерли. Сейчас в положении Лондона времен Граунта находятся все развитые страны. Их население недостаточно воспроизводит себя и пополняется выходцами из развивающихся стран, где еще продолжается естественный прирост, но рождаемость снижается. До начала XX в. антисанитарные условия жизни в переполненных городах часто приводили

к эпидемиям. Миграция горожан в села с целью спастись от болезней способствовала распространению эпидемий на сельскую местность.

Многие люди считают международную миграцию лекарством, которое хуже болезни. Французский демограф Альфред Сови отмечал, что, «как правило, любая иммиграция в страну с достаточно стабильными условиями приводит к некоторым нарушениям равновесия и отчасти вызывает сопротивление» [5, с. 345]. Весьма популярно мнение о том, что прибытие новых иммигрантов приводит к росту преступности, повышению цен на жилье, усилению конкуренции на рынке труда, снижению уровня заработной платы и увеличению риска потери работы. Иммигранты согласны работать за очень низкую плату, и работодатели предпочитают нанимать их, а не местных жителей. Из-за этого многие граждане стран, в которые прибывают массы иммигрантов, желают резко ограничить иммиграцию [4, с. 42–49].

Вы упоминаете о том, что на протяжении всей истории человечества миграция была важным механизмом демографической саморегуляции [1, с. 223–224], который позволял тем странам, где численность жителей превышала количество средств существования, направлять «избыточное» население туда, где такого дисбаланса не было. Нередко это приводило к кровавым столкновениям между коренными жителями и пришельцами. Войны, которые часто сопровождалась эпидемиями, сокращали численность населения. Эти потери компенсировались рождаемостью, которая у выходцев из Европы и их потомков в колонизируемых странах была выше, чем в странах исхода. Но после того, как вся пригодная для жизни территория была заселена ими, уровень рождаемости снижался. В этом тоже проявилась саморегуляция.

Рано или поздно чрезмерный естественный прирост тоже создает проблемы не только для общества в целом, но и для многих отдельных лиц — нехватку жилья, рабочих мест, земельных участков, продуктов питания и т. п. Население может реагировать на это ростом смертности, снижением брачности и рождаемости, эмиграцией в более благополучные регионы [1, с. 219–256].

В XVIII в. смертность в Европе начала снижаться. Население стало быстро увеличиваться. Из-за чего, как писал Мальтус, возникла необходимость в ограничении брачности и рождаемости [9]. В некоторых семьях эта ситуация сложилась еще в Средние века. Если до совершеннолетия доживали несколько сыновей, то они не могли поделить отцовскую землю. Она целиком доставалась в наследство старшему. Только он мог беспрепятственно жениться и продолжать род. Его младшие братья должны были заработать немалые средства, чтобы создать семью. Те, кому это не удавалось, оставались холостыми и бездетными. Как правило, родители не выдавали замуж дочерей за людей, не способных обеспечить семью. Но и на бесприданницах мало кто женился, а большое приданое давали обычно только за старшей дочерью.

Снижение смертности привело к увеличению числа семей, в которых до совершеннолетия доживали несколько сыновей и/или дочерей. Всем им, кроме старших, было трудно вступить в брак, а многим это вообще не удавалось. Уменьшение смертности повлекло за собой, хотя и не сразу, сокращение брачности и рождаемости. В этом проявилась демографическая саморегуляция не только на микроуровне семей и индивидов, но и на макроуровне государства и общества: законы и обычаи наследования по праву первородства ограничивали возможность заключения брака для младших. Поэтому боковые ветви родословных деревьев часто были тупиковыми.

Когда прирост населения чрезмерен, демографическая саморегуляция тормозит или останавливает его. Но если прирост сменяется убылью, может ли саморегуляция остановить ее и стабилизировать численность населения?

Для простого замещения поколений требуется, чтобы среднее число рожденных детей на одну женщину (без учета брачного статуса и способности к деторождению) составляло не менее 2,12 [1, с. 135], а на одну замужнюю женщину, состоящую в браке и способную иметь детей, — не менее 2,5–2,6, то есть чтобы не менее половины замужних матерей к концу репродуктивного возраста имели трех и более детей [3, с. 26]. Но семьи не испытывают неудобств из-за того, что имеют «только» одного или двоих детей. Напротив, материальные, бытовые, жилищные и другие проблемы возникают из-за рождения третьего и последующих детей. По данным РПН-2017 — выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в 2017 г. в 81 из 85 субъектов РФ (15021 респондент), лишь 27% женщин 18–44 лет хотели бы иметь троих и более детей при наличии всех необходимых условий и только 17% собираются иметь столько детей (включая уже имеющихся) с учетом реальных условий жизни своих семей². По данным опросов, первый ребенок необходим для подавляющего большинства семей, но его рождение может быть отложено, и растет число «чайлдфри», которые вообще не хотят иметь детей. Второй ребенок — желателен при благоприятных условиях, третий — лишний при любых условиях. Третьи дети как минимум в каждой второй семье необходимы государству для воспроизводства населения, но основной массе семей они просто не нужны. Вы цитируете Вольтера: «Большинство отцов семейств опасаются иметь много детей, тогда как правительства хотят умножения народа» [1, с. 171]. Это противоречие существует до сих пор.

В отличие от политиков, выступающих за рост населения, простые граждане, как правило, не видят проблем для себя в его убыли, независимо от того, чем она вызвана: низкой рождаемостью или эмиграцией. Их логика выглядит экологичной: «меньше народу — больше кислороду».

А. Сови писал: «Что касается общественного мнения, то оно проявляет достаточно мало интереса к эмиграции. Отъезд людей привлекает гораздо меньше внимания, чем их прибытие» [5, с. 345].

По Вашему мнению, «...сегодня ни отдельная страна, ни отдельный регион мира, ни группа выделенных по какому-либо признаку стран (по географическим критериям, степени развитости, уровню дохода и т. п.) не могут рассматриваться как замкнутая система, внутри которой независимо формируются ее собственные демографические цели. Географические или политические границы не обеспечивают необходимой для этого изоляции. Только все население планеты, все человечество представляет собой замкнутую систему, применительно к которой можно говорить о демографической самоорганизации» [1, с. 192].

Однако Вы пишете о Великом переселении народов в античности, о вторжениях азиатских кочевников в средневековую Европу, о колонизации европейцами Америки в Новое время и о других массовых перемещениях людей от каменного века до наших дней, признавая миграцию

² См.: Итоги наблюдения. Распределение по желаемому и ожидаемому числу детей // Федеральная служба государственной статистики. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения, 2017 [электронный ресурс]. Дата обращения 25.05.2019. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html

одним из механизмов демографической саморегуляции на протяжении всей истории человечества [1, с. 223–224]. Почему же она не может быть таким механизмом в наше время, когда основные миграционные потоки направляются из развивающихся стран с относительно высоким уровнем рождаемости и естественного прироста в развитые страны, где рождаемость не обеспечивает даже простого замещения поколений? Полная (в Западной Европе) или частичная (в России) компенсация естественной убыли миграционным приростом — это демографическая саморегуляция на уровне стран или групп стран. У нее есть как плюсы, так и минусы.

В XIX в. и на протяжении большей части XX в. люди переселялись главным образом из одних стран европейской культуры в другие страны той же культуры (чаще всего — в США). Несмотря на все трудности, большинство иммигрантов успешно интегрировались. В наше время массовый характер приобрела «инокультурная» иммиграция, многие представители которой (и даже их дети и внуки) не хотят и/или не могут интегрироваться в культурно чуждый им европейский социум. Вы пишете, что они создают «эмигрантские анклавы в развитых странах, нередко представляющие собой слепки с тех обществ, из которых они вышли» [1, с. 304]. Различия между нормами поведения жителей анклавов и коренного населения принявших их стран столь велики, что иммиграция хотя и компенсирует депопуляцию, но создает больше проблем, чем решает [2, с. 17].

Однако и эта компенсация может продолжаться лишь до тех пор, пока весь мир не пройдет первый и второй демографический переходы. Ссылаясь на мнение одного из авторов теории второго перехода — голландского демографа Д. ван де Каа [7], Вы признаете, что во время второго перехода «рождаемость опускается ниже уровня простого замещения поколений» [1, с. 204].

Первый демографический переход начался со снижения смертности. Чтобы избежать перенаселения, потребовалось ограничить и рождаемость. Саморегуляция проявилась в общественном признании допустимости контрацепции и абортов (из-за чего рождаемость понизилась), но безбрачие и бездетность по-прежнему считались нежелательными, а разводы еще долгое время разрешались лишь при доказанной супружеской измене, жестоком обращении мужа с женой и детьми и в других крайних случаях.

В эпоху первого перехода частично утратили силу социальные нормы, то есть неписанные законы, которые обязывали всех нормальных здоровых мужчин и женщин (кроме духовных лиц, принявших обет безбрачия) вступать в практически нерасторжимый законный брак и иметь столько детей, сколько Бог пошлет. Старые холостяки, «старые девы» и бездетные супруги считались «белыми воронами». Их положение в обществе было незавидным. Эти нормы были одним из механизмов саморегуляции. Они ограничивали права личности на безбрачие и бездетность, но обеспечивали выживание общества, которое могло противопоставить неограниченной смертности только почти всеобщую брачность и неограниченную брачную рождаемость.

Эти нормы полностью исчезают в эпоху второго демографического перехода. Он начинается, когда суммарный коэффициент рождаемости, то есть среднее число детей, рожденных одной женщиной за всю жизнь, становится ниже уровня простого замещения поколений (при низкой смертности — 2,1). Но это не значит, что родители тут же умрут. Дети, *как поколение*, замещают своих родителей, достигнув возраста, в котором родители произвели их на свет. Да и после этого родители обычно живут еще долго. Но *как компонент*

роста населения дети замещают людей, умерших в том же году, в каком родились эти дети. Большинство умерших приходится им не родителями, а дедами, бабушками, прадедами и прабабушками. Поэтому, как правило, еще несколько десятилетий имеет место *инерционный* рост населения, то есть *латентная* депопуляция, и лишь затем она становится явной: рождается меньше людей, чем умирает. При латентной депопуляции второй демографический переход тоже латентен, при явной депопуляции он становится явным.

В наше время более половины человечества проживает в странах с режимом неполного замещения [1, с. 289]. В России и во всем Евросоюзе в целом рождаемость уже давно низкая и число родившихся меньше числа умерших. Во многих развивающихся странах естественный прирост еще продолжается по инерции за счет молодой возрастной структуры населения, сложившейся из-за высокой рождаемости в недавнем прошлом. Но за несколько десятилетий низкой рождаемости и неполного замещения поколений, когда детей меньше, чем родителей, а родителей меньше, чем дедушек и бабушек, население «старее» и начинает вымирать.

Однако у людей появляется свобода выбора жизненного пути. В странах, прошедших второй переход, можно никогда не вступать в законный брак; можно, даже если есть дети, разводиться без вины и согласия другого супруга; часто менять мужей, жен и внебрачных партнеров; добровольно оставаться бездетными или вообще не иметь семьи. Все это стало приемлемым.

Чем больше семья, тем с большим числом ее членов приходится считаться на каждом шагу, сдерживая свои личные желания. До второго перехода подавляющее большинство людей создавали и сохраняли полные семьи с детьми, чтобы быть такими, как все. Когда социальные нормы этого уже не требуют, все больше становится тех, которые не хотят ни в чем себя ограничивать. Они либо не вступают в брак, либо разводятся, либо не имеют детей, либо вообще остаются одиночками [8] и не считаются при этом «белыми воронами». Пока не наступит старость, когда создавать семью уже поздно, легче жить так, чем брать на себя обязанности по отношению к мужьям, женам и детям. Из-за этого уменьшается число семей, состоящих из законных супругов с несколькими детьми. Рождаемость в этих семьях уже не компенсирует бездетность и малодетность множества людей, предпочитающих иные жизненные пути³, более удобные для человека, который их выбирает, но в итоге ведущие к вымиранию всего человечества.

Вы пишете, что по оценкам Отдела населения ООН, в 2010–2015 гг. коэффициент суммарной рождаемости для всей совокупности развитых стран опустился до 1,67, то есть стал намного ниже уровня замещения поколений. Но при этом среднемировой показатель превышал 2,5, а средний для менее развитых регионов (более 80% мирового населения) составлял 2,65 [1, с. 192].

³ По данным РПН-2017, среднее итоговое число рожденных детей у женщин 40–44 лет, состоящих в т. н. незарегистрированном браке, то есть в сожительстве (как первом, так и повторном), заметно меньше, чем у состоящих в первом законном браке. Еще меньше детей имеют никогда не состоявшие в браке, а также те, которые в прошлом имели законных супругов или сожителей, но на момент опроса были одиночками [3, с. 28–30]. Типичная для «второго перехода» замена законных браков (как первых, так и повторных) сожительствами и другими альтернативными формами личной и семейной жизни повышает частоту бездетности и снижает уровень рождаемости.

Но согласно теориям первого и второго демографических переходов, которых Вы придерживаетесь, все страны пройдут оба эти перехода. Чем позже начнутся переходные процессы, тем быстрее они происходят. Во всех странах рождаемость станет низкой [1, с. 289]. Со временем это приведет к депопуляции во всем мире. По одному из упомянутых Вами вариантов прогноза ООН [1, с. 297], глобальная депопуляция начнется после 2054 г., то есть не в столь уж далеком будущем. Если подавляющее большинство семей будут иметь не более двух детей, то человечество вымрет за несколько столетий. При массовой добровольной бездетности, которая уже стала социально приемлемой в Западной Европе [4, с. 14–16], а после завершения второго перехода станет такой же во всем мире, Земля обезлюдеет менее чем за век.

О перспективах рождаемости в столь далеком будущем можно судить по демографическому поведению элитных групп населения в наше время. Элита, в которой очень распространены скандальные разводы, многократные смены супругов и партнеров, сожительства, добровольная бездетность и одиночно-холостяцкий образ жизни, моделирует демографическое будущее остальных социальных групп, представители которых успешнее подражают ей в антисемейном поведении, чем в достижении высокого социального статуса. Еще Л.Н. Толстой писал, что в том высшем слое общества, к которому принадлежали супруги Каренины, было очень много разводов. В России тогда расторгалось несколько сотен браков в год, сейчас — полмиллиона. Все слои общества давно взяли пример с прежней элиты. Многие женщины ради карьеры решают никогда не иметь детей (карьере мужчин дети мешают меньше), но лишь единицам удается пробиться в элиту.

Если считать, что депопуляция приводит численность населения в соответствие с экономической и экологической ситуацией, то это подобно сокращению штатов в фирме, близкой к банкротству. Но сокращение — это разовая акция, а депопуляция — постоянный процесс, похожий на ситуацию, когда работники сами увольняются массами. Если им не повысят зарплату и не улучшат условия труда, то фирма закрывается.

Для стабилизации численности депопулирующего населения необходимо повышение рождаемости до уровня простого замещения поколений. Это возможно лишь тогда, когда не менее половины семей, закончивших свое формирование, будут иметь трех и более детей. Но подавляющему большинству родителей вполне достаточно одного или двух.

Нет никаких механизмов демографической саморегуляции, способных поднять рождаемость хотя бы до уровня простого замещения поколений. Люди не испытывают трудностей даже когда вообще не имеют детей, если бездетность не осуждается общественным мнением. Эта проблема не решится сама собой без мер политики по повышению рождаемости.

По Вашему мнению, результаты этих мер «небесспорны» [1, с. 197]. В России, как и в других странах, они приводили лишь к временному повышению рождаемости, уровень которой у нас так и не достиг черты простого замещения поколений. Борьба за повышение рождаемости — значит плыть против течения, то есть противостоять многим объективным факторам, способствующим ее снижению во всем мире, в том числе и в нашей стране.

Но разве корабли не плавают против течения? Врачи не раз добивались успехов в борьбе с болезнями, которые считались неизлечимыми. Повысить рождаемость труднее, чем понизить ее, как это удалось в Индии, Китае и некоторых других странах. Но трудно — не значит невозможно. Если государство и общество хотят выжить — они добьются этого.

Возможно, я не вполне понимаю Вашу позицию. Чтобы выяснить, в чем наши мнения совпадают, а в чем — нет, прошу Вас ответить на мои вопросы:

1. Считаете ли Вы, что первый и второй демографические переходы пройдут все страны мира?

2. Как Вы представляете себе «демографическую самоорганизацию» на уровне всего человечества?

3. Считаете ли Вы, что в современном мире миграция из одних стран в другие перестала быть механизмом демографической саморегуляции?

4. Считаете ли Вы, что демократический критерий прав личности на выбор любого жизненного пути, включая безбрачие и бездетность, совместим с демографическим критерием необходимости выживания общества?

5. Какой из этих критериев должен быть приоритетным для демографов?

6. Считаете ли Вы, что сама по себе саморегуляция, без мер демографической политики, может остановить не только рост населения, но и его убыль (депопуляцию), вызванную низкой рождаемостью?

7. Считаете ли Вы, что депопуляция — это закономерная позитивная реакция демографической системы на перенаселение, то есть на нарушение экономического и/или экологического баланса во всем мире?

8. Если депопуляция является такой реакцией, то какой механизм саморегуляции повысит рождаемость до уровня простого замещения и стабилизирует численность населения мира после того, как оно сократится до оптимальной величины, рассчитанной экологами и/или экономистами?

9. Считаете ли Вы, что любые меры по повышению рождаемости до уровня простого замещения заведомо будут неэффективными?

10. Если Вы считаете, что ни саморегуляция, ни демографическая политика не могут остановить депопуляцию в нашей стране, а в перспективе — и во всем мире, то каким путем надо решать эту проблему?

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. *Вишневский А. Г.* Демографическая история и демографическая теория: Курс лекций / А. Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 368 с. DOI:10.17323/978-5-7598-1706-2
2. *Синельников А. Б.* Могут ли иммигранты и их потомки стать большинством в России и Западной Европе? // Социология. 2012. № 4. С. 3–18 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.06.2019. URL: <http://soziologi.ru/upload/iblock/d99/№4-2012.pdf>
3. *Синельников А. Б.* Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019. № 2. С. 26–39. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00013.
4. *Синельников А. Б.* Три поколения в семьях иммигрантов: Россия и Западная Европа // Социология. 2012. № 2. С. 42–65 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.06.2019. URL: <http://soziologi.ru/upload/iblock/f1e/№2%202012%20социология.pdf>
5. *Сови А.* Общая теория населения. Т. 2: Жизнь населений / Пер. с франц. Ф. Р. Окуневой. М.: Прогресс, 1977. — 519 с.

Дата поступления: 30.06.2019.

A.B. SINELNIKOV

Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation.

Alexander B. Sinelnikov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Sociology, Sociology of Family and Demography Department, Moscow State Lomonosov University.

Address: 1-33 Leninsky Gory, 119234, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7 (495) 939-50-60. **Email:** sinelka@mail.ru

DEMOGRAPHIC SELF-REGULATION IN TERMS OF POPULATION GROWTH AND DECLINE

Abstract. The author of this article A.B. Sinelnikov polemizes with A.G. Vishnevsky and asks him several questions. Vishnevsky considers the population as a self-regulating system. This system itself brings its size (number of inhabitants) in line with the economic and environmental situation. Vishnevsky considers state intervention in the process of demographic self-regulation to be ineffective, when it comes to measures aimed at increasing birth rate. According to Sinelnikov, self-regulation can slow down population growth (“demographic explosion”). However, there is no self-regulation to protect against natural population decline (depopulation). This problem can only be solved through demographic policy.

Keywords: population; fertility; mortality; demographic self-regulation; demographic policy.

For citation: Sinelnikov A.B. Demographic Self-Regulation in Terms of Population Growth and Decline. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2019. Vol. 25. No. 4. P. 84–92. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6819

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within the framework of the research project No. 18-011-01037 “Interregional studies of life values and non-transitivity of family and youth orientations of women, men and couples on the basis of cross-cutting analysis of comparable data (1976–2020)”

REFERENCES

1. Vishnevsky A.G. *Demograficheskaya istoriya i demograficheskaya teoriya: Kurs lektsii*. [Demographic History and Demographic Theory: Course of lectures.] Moscow: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki publ., 2019. 368 p. (In Russ.) DOI:10.17323/978-5-7598-1706-2.
2. Sinelnikov A.B. May immigrants and their descendants become the majority in Russia and Western Europe? *Sotsiologiya*. 2012. No. 4. P. 3–18. Accessed 30.06.2019. URL: <http://soziologi.ru/upload/iblock/d99/№4-2012.pdf> (In Russ.)
3. Sinelnikov A.B. Transformation of Marriage and Fertility in Russia. *Narodonaselenie*. 2019. No. 2. P. 26–39. (In Russ.) DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00013.
4. Sinelnikov A.B. Three Generations in Immigrants’ Families: Russia and Western Europe. *Sotsiologiya*. 2012. No. 2. P. 42–65. Accessed 30.06.2019. URL: <http://soziologi.ru/upload/iblock/fl1e/№2%202012%20sotsiologiya.pdf> (In Russ.)
5. Sovi A. *Obshchaya teoriya naseleniya. T. 2: Zhizn' naselenii*. [General Theory of Population. Vol. 2. Life of Populations.] Transl. from French by F.R. Okuneva. Moscow: Progress publ., 1977. 519 p. (In Russ.)
6. Graunt J. *Natural and Political Observations Made upon the Bills of Mortality*. Ed., intr. by W.F. Willcox. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1939 [1662]. xiii, 90 p.
7. Kaa D.J. van de Europe’s second demographic transition. *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42. No. 1. P. 1–59.
8. Klinenberg E. *Going Solo. The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone*. N.Y.: Penguin Books, 2012. 273 p. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2012.00523.x
9. Malthus T.R. *An Essay on the Principle of Population. Vol. 1*. 6th ed. 1826. Accessed 30.06.2019. URL: <https://oii.libertyfund.org/titles/malthus-an-essay-on-the-principle-of-population-vol-1-1826-6th-ed> DOI: 10.2307/2173616

Received: 30.06.2019.